

КОНЕЦ РЕЖИМА

Как закончились
три европейские диктатуры

АЛЕКСАНДР БАУНОВ

Александр Баунов

**Конец режима. Как закончились
три европейские диктатуры**

«Альпина Диджитал»

2023

Баунов А.

Конец режима. Как закончились три европейские диктатуры /
А. Баунов — «Альпина Диджитал», 2023

ISBN 978-5-96-148549-3

Во второй половине XX века закончились три последние диктатуры Западной Европы – режимы Франко в Испании, Салазара в Португалии и «черных полковников» в Греции. Их граждане в конечном счете предпочли демократический строй авторитарному. В своей книге политический исследователь и журналист Александр Баунов рассказывает о том, как пытались продлить свое существование и завершились диктатуры этих трех стран, об отличиях и сходствах этого перехода в результате мирной трансформации в Испании, революционных событий в Португалии и военной авантюры в Греции и о людях, благодаря или вопреки которым этот переход состоялся. Противники автократий часто дают свой ответ на вопрос, почему авторитарным режимам удается просуществовать долго: потому что они держатся на страхе и силе. Сторонники авторитаризма как формы правления отвечают по-своему: длительные режимы личной власти держатся силой народной любви. Время не только проясняет, но и затемняет ход событий. Следует отличать событие от мифа о нем. Эту книгу можно читать как документальный роман о том, как две самые долгие диктатуры Европы, каждая из которых продолжалась по 40 лет, не устояли. Чтобы дополнить картину, я пишу об их позднем и менее долговечном подражателе – православной диктатуре «черных полковников» в Греции. Для кого Для тех, кто интересуется актуальной политической повесткой и событиями недавнего прошлого.

ISBN 978-5-96-148549-3

© Баунов А., 2023

© Альпина Диджитал, 2023

Содержание

Введение	9
Глава 1	13
Кортесы отменяют себя	16
Договорная демократизация	18
Диктатура на время или навсегда?	20
Правитель-воин и правитель-колдун	24
Великое одиночество	26
Снятие блокады. Мир прогнулся под нас	29
Противоречия в элите	31
Отложенная монархия в обмен на бессрочную власть	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Баунов

Конец режима. Как закончились три европейские диктатуры

Редактор А. Новресли

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта Е. Кунина

Арт-директор Ю. Буга

Корректоры О. Улантимова, Т. Редькина

Компьютерная верстка К. Свищёв

Дизайн обложки Д. Изотов

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Александр Баунов, 2023

© ООО «Альпина Пабlishер», 2023

* * *

Александр Баунов

КОНЕЦ РЕЖИМА

Как закончились
три европейские диктатуры

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2023

Моей маме, жительнице мира в закрытой стране

Введение

Есть что-то мистическое и в восхождении диктаторов к вершинам власти, и в их падении. Кажется, совсем недавно ты был обычным человеком, как все, и вот ты, подобно древнему божеству, управляешь судьбами тех людей, к числу которых принадлежал, а большинство принимает это как должное или не в силах противиться. Или, наоборот, только что все было послушно малейшему движению, и вдруг, как в плохом сне, за знакомыми дверями – незнакомые комнаты, звонки не звенят, ключи не поворачиваются, кнопки не нажимаются, руки и ноги непослушны. Как уходит власть, куда и почему она уходит?

Эту книгу можно читать как документальный роман о том, как две самые долгие диктатуры Европы, каждая из которых продолжалась по 40 лет, не устояли. Речь идет о диктатурах Франсиско Франко в Испании и Антониу ди Салазара в Португалии. Чтобы дополнить картину, я пишу об их позднем и менее долговечном подражателе – православной диктатуре «черных полковников» в Греции. Все три режима рассыпались почти одновременно – в середине 70-х гг. прошлого века.

Как в любом романе, герои здесь прежде всего люди. Но поскольку это документальный политический роман, кроме отдельных личностей, героями являются и целые человеческие сообщества – номенклатура и оппозиция, социалисты и консерваторы, священники и студенты, силовики, политические эмигранты, иностранные державы, дипломаты, революционеры, министры, художники, кинорежиссеры.

Как роман – описание целых обществ, книга на почтительном отдалении наследует древним образцам жанра: так Ксенофонт в одном из сочинений рассказывал об устройстве Спарты, а Аристотель – о политическом строе Афин.

Испанский и португальский режимы, очень похожие по форме, отличаются по происхождению. Оба появились, когда часть граждан захотела власти твердой руки, которая покончит с хаосом молодой демократии. В Испании генералу Франко для этого пришлось свергнуть правительство и завоевать страну, в Португалии профессору Салазару, чтобы закрепиться у власти почти на всю жизнь, хватило умелого преодоления экономических трудностей и манипулирования политическими институтами. Правителями они были тоже очень разными. Один был правителем-воином, рыцарем и конкистадором. Другой – правителем-колдуном, ученым монахом, экспериментирующим с рецептами народного счастья. Хотя под конец жизни они словно поменялись местами: один начал с войны, другой ею закончил. Один выстраивал свою власть на одержанной победе, второй под конец жизни – на том, что всеми силами избегал поражения.

Противники автократий часто дают свой ответ на вопрос, почему авторитарным режимам удается просуществовать долго: потому что они держатся на страхе и силе. Сторонники авторитаризма как формы правления отвечают по-своему: длительные режимы личной власти держатся силой народной любви. Оба ответа слишком просты. В основании диктаторских режимов – причудливое сочетание любви и страха, а еще лести, покорности, гордости, привычки, реальных и мнимых успехов, личного благополучия, карьерных достижений, затрудняющих отказ от совместно прожитых лет, страха неопределенности, прошлых травм. Но главное в основе таких режимов – баланс, который умеет держать правитель между разными своими опорами в элите и обществе. Когда этот баланс утрачен, режим обваливается.

Первая часть книги отвечает на вопрос, как диктатурам удается просуществовать долго. Здесь рассказано, как авторитаризм достигает устойчивости, обретая точку равновесия между правителем, элитами и обществом. Это динамический процесс, точка все время колеблется, и правитель на ощупь ищет баланс между группами поддержки и фракциями элиты. Кажется,

что он сидит на троне, но на самом деле он канатоходец. Для сохранения найденного баланса ему самому приходится меняться, невольно приближая собственный финал.

Выживание и падение режима связаны теснее, чем кажется. Время выращивает внутри старой диктатуры новое общество, и она впускает его в себя, чтобы не разорваться сразу и выжить, становится эластичнее в одном месте и ригиднее в другом, но в конечном счете умирает, не вместив это новое общество в себя. Умирает мирно или не очень. Новое общество всегда растет внутри старого, они взаимодействуют, борются и идут на компромиссы, иногда меняются местами, отбрасывают свои радикальные фракции. Они могут в конечном счете смешаться, и диктатура рассыплется, превратившись в эту смесь. Так произошло в Испании. В Португалии было иначе. Там новое общество высвободилось из старого в результате революции. В Греции диктатура пала после неудачной попытки присоединить соседнее государство. Но и в Португалии, и в Греции в конечном счете старое и новое смешалось, только по-разному. Португальский и испанский финалы – почти идеальный материал для того, чтобы сопоставить на примере родственных стран революцию и эволюцию.

Вторая часть книги – о том, почему они все-таки заканчиваются, что им мешает длиться вечно, как диктатуру покидает сила. Как исчезает тщательно выстроенный баланс, а создать новый становится все труднее.

Страны разные, а персонажи и их роли сходны. Есть аполитичные управленцы, готовые продавать опыт и знания любому режиму. Есть знаменитые диссиденты и политические эмигранты, либералы и сторонники тоталитарных утопий, иностранные дипломаты, которые вмешиваются во внутренние дела. Есть противники войны и ее сторонники, которые понимают, что война – отличный способ уничтожить внутренних конкурентов и занять те высоты, для которых не хватает собственных компетенций.

Есть боевые самодеятельные организации, берущие в свои руки борьбу с врагами отечества, видя, что власть недорабатывает, и противостоящие им сторонники оппозиционного насилия, иногда просто бандиты и вымогатели, прикрывающиеся политическими лозунгами. Есть спецслужбы, которые пытаются вести игру с первыми и со вторыми. Есть реформаторское крыло номенклатуры, представители которого понимают, что власти нужно меняться, если она не хочет отстать от жизни и окончательно уступить симпатии граждан оппозиции.

Есть оппозиция радикальная, которую не устроит ничего, кроме революции и мести, и трезвомыслящая, готовая к разумным компромиссам. Есть партия власти, теряющая популярность, но держащаяся за власть. Есть орден силовиков – военных, полицейских, гражданских гвардейцев, ветеранов давних и новых войн, – которого опасается не только оппозиция, но и реформаторски настроенная гражданская бюрократия. В то время как одни думают над тем, как обеспечить нейтралитет силовой корпорации в политике, другие призывают отдать ей власть.

Есть бизнес, который хочет, чтобы власть досталась номенклатурным реформаторам, а не силовикам, но боится революции. Есть художники, писатели, поэты, режиссеры, публицисты, ученые, которые пытаются занять ту или иную сторону, иногда противопоставляя себя не только власти, но и оппозиции. Есть относительно легальные оппозиционеры и подпольные, есть оппозиция в стране и оппозиция в эмиграции, спорящая, кто достойнее возглавить перемены.

Есть высокопоставленные перебежчики из власти в оппозицию и часть номенклатуры, которая считает, что превосходит самого лидера в верности идеологии режима. Есть семья диктатора, которая пытается им управлять. Есть даже короли и принцы, претенденты на трон, ревнующие власть друг к другу. И конечно же, есть те, кто осуществил перемены и демонтировал диктатуры и кого потом до конца жизни упрекали, что он сделал не то, не так и на его месте должны были быть другие люди.

Древнегреческий историк Плутарх, скорее писатель на исторические и философские темы периода расцвета Римской империи, автор, как сказали бы сейчас, популярных книг в жанре нон-фикшн, больше всего прославился своими «Сравнительными жизнеописаниями». Он брал грека и римлянина, которые казались ему интересной для сопоставления парой, и сравнивал этих двух героев. С тех пор историческая и политическая науки расширили сферу своего внимания. От описания героев и правителей они перешли к изучению простых людей и повседневности, в которой правители занимают место части, а не целого. Современный Плутарх должен создавать параллельные жизнеописания целых обществ, которые ему интересно сопоставить по тому или другому признаку. Можно считать эту книгу таким параллельным жизнеописанием обществ – испанского, португальского и греческого периода конца последних тамошних тираний и начала демократий.

Переход этих трех стран от авторитаризма к демократии современный философ-обществовед Самуэль Хантингтон считает началом третьей и пока что последней волны демократизации. В результате первой волны в течение всего XIX и части XX в. абсолютистские режимы в Европе сменились парламентскими. Вторая волна – смена диктатур на демократии по итогам Второй мировой войны.

Третья волна началась в Испании, Португалии и Греции падением последних правых диктатур капиталистической Европы и закончилась на рубеже 1980–1990-х крахом левых режимов Европы коммунистической. В самом деле, когда обвалились последние диктатуры Западной Европы, режимам социалистического лагеря стало труднее оправдывать свое существование. Третья волна, казалось, привела к тому, что диктаторский способ правления, в какую бы идеологию он ни рядился, изжит навсегда, но через 30 лет после конца этой волны мы видим, что диктатуры переживают своего рода ренессанс. А может быть, дают последний бой.

Время не только проясняет, но и затемняет ход событий. Следует отличать событие от мифа о нем. Реальное взятие Бастилии или штурм Зимнего сильно отличаются от легендарных рассказов. Миф необязательно противоречит событию, часто он его всего лишь упрощает. С течением времени миф о событии вытесняет само событие. Это касается и демократизации целых обществ и государств. Силы свободы вышли на улицы и площади, подняли флаги, принесли жертвы, и силы тьмы дрогнули и бежали.

В мифе о событии гораздо легче назначить героев и злодеев, в то время как подробный разбор самого события смазывает дидактическую ясность картинки. Силы добра и зла, будущего и прошлого, свободы и несвободы в реальном обществе находятся в состоянии диффузии, они смешаны. Это неудивительно: общества, как и вещества, состоят из индивидуумов-атомов (латинское *individuum* и есть перевод греческого «атом») и ведут себя похоже.

У всех длительных режимов личной власти есть общие черты и есть различия. Механизмы долгого сохранения власти одинаковы не только внутри однотипных систем, но и поверх границ между системами и даже историческими периодами. Поэтому в Испании, Португалии, Греции периода демократической трансформации мы встречаем те же фигуры, что и в Древнем Риме или Афинах. Вот стареющий тиран, а вот враги тирана, которые хотят отобрать у него власть, одни – чтобы самим стать на его место, другие – ради высоких идеалов. Рядом с тираном – льстецы, которые понимают, что потеряют свое положение вместе с ним, и более тонкие царедворцы, которые считают, что сумеют пригодиться следующему властителю. Им противостоит старый друг тирана, который пытается оберегать его от льстецов и дает мудрые советы. У подножия – верные исполнители, которые верят всему, что говорит тиран, и готовы повиноваться. Среди них затесалась умная молодежь, которая считает, что старик отжил свое, но надо отодвинуть его так, чтобы самим не остаться ни с чем.

Всем им противостоят пылкие враги тирании, готовые по первому зову идти на баррикады. У тирана есть мудрый старый враг, который понимает, что для победы нужно вступить

в сговор со слабым звеном в окружении властителя. Есть священник, которому тиран когда-то оказал услугу, но теперь тирания не в моде, и, чтобы сохранить авторитет у паствы, он покидает тирана. Есть потомок законного правителя, который должен править вместо тирана. И есть его сын, которому тиран благоволит в обход отца, чтобы тот был обязан властью ему одному. Но и сам тиран за долгие годы меняется.

Франко крайне удивился бы, узнав, что в Советской России, в полемике с которой он провел всю свою жизнь, установится власть, отдаленно похожая на его собственную. Пожалуй, он счел бы это своей посмертной победой, если бы будущий российский режим не сохранил ностальгию по предшествовавшему советскому, в наследство от которого осталось сочувствие к республиканской Испании и культ победы над европейским фашизмом, подражателем и другом которого был Франко. Впрочем, период разочарования в социализме в России к сочувствию друзьям-республиканцам добавил симпатию к правым рыночным диктатурам, которые смогли обуздать собственных коммунистов. Ведь режим Франко воплощает один из вариантов альтернативной российской истории – победу белого генерала в Гражданской войне.

Переход от тирании к демократии интересует не только жителей авторитарных стран, которые примеряют его на себя. Он интересует людей вообще. Переход от власти одного к власти всех, от прав для немногих к правам для большинства – универсальный общечеловеческий сюжет, любимый во все времена. Еще античные историки подробно рассказывали об установлении и падении древних тираний и формировали норму поклонения тираноборцам.

Падение режимов в Испании и Португалии еще и мой личный сюжет. Вместе с тюльпанами в ящиках для цветов за окном, подвижными полосами света, обозначающими на потолке путь таинственных ночных машин, доносимыми ветром плевками первомайских духовых оркестров в раннем детстве, на самой заре сознания, я помню на экране советского черно-белого телевизора под разросшейся на стене домашней монстерой бегущих по незнакомым, залитым солнцем улицам, припадающих к укрытиям чужих солдат в необычных, не наших шапочках и новое слово «Лиссабон» в приятном ворковании диктора. И позже, в уже подростковой памяти, необъяснимую радость от того, что в капиталистической Испании победили очень хорошие люди, почти наши, и значит, наш мир добра еще немного расширился, и там, в новой части этого мира, теперь красивый премьер-министр социалист Гонсалес с честной улыбкой, молодой даже на взгляд ребенка.

С того времени мне хотелось узнать, куда бежали эти солдаты и чему так улыбался Гонсалес. Наконец нашлось время в этом разобраться. Для этого пришлось научиться чужим языкам, ездить по миру, читать, смотреть много часов документального видео, разговаривать. Я должен был посвятить свою прошлую книжку «Миф тесен» маме, ведь некоторые из собранных в ней текстов написаны в ее маленькой квартирке на северо-востоке Москвы, но вовремя не догадался. Посвящаю ей эту. Это она купила черно-белый телевизор и включила его в тот день, когда в нем под чужим солнцем бежали солдаты, она завела и поливала лиану на стене. Эта книга о событиях времен молодости наших родителей или бабушек-дедушек, а для кого-то собственной. Но эта книга и про нас.

Глава 1

Суверенная автократия

Ноябрь 1976 г. Через год после смерти Франсиско Франко

В строгом, но элегантном костюме и темном галстуке, усеянном крохотными задравшими хобот слониками, прокуратор Мигель Примо де Ривера-и-Уркихо поднялся на трибуну испанских кортесов. Слоники на галстуке были той легкой вольностью, которую мог позволить себе сорокадвухлетний функционер консервативного авторитарного государства. Представителю нового поколения номенклатуры хотелось выглядеть современно, даже дерзко и в то же время внушать доверие нескольким сотням законодателей, собравшихся на историческое заседание 19 ноября 1976 г. Ведь он вышел к ним с вызывающим, рискованным, по меньшей мере спорным предложением – проголосовать против самих себя.

Перед ним сидели несколько сотен таких же, как он, прокураторов, для которых не менее важным, чем слова докладчика, было его имя. Уркихо – старинный и уважаемый испанский род, но именно первая часть фамилии, Примо де Ривера, должна была внушать собравшимся священный трепет. Она напоминала им о той грандиозной борьбе и великой победе, которая привела их сюда и сделала теми, кем они стали.

Те из присутствовавших, кому уже исполнилось шестьдесят, должны были помнить, а остальные просто знали, как дед сегодняшнего докладчика, генерал Мигель Примо де Ривера, совершил в 1923 г. бескровный переворот, после долгих десятилетий политических бурь вновь превратил парламентскую монархию в абсолютную, освободив короля Альфонсо XIII от пут конституции, а сам стал при нем премьер-министром с диктаторскими полномочиями.

Недолгую и не слишком суровую диктатуру Мигеля Примо де Риверы некоторые из них считали золотым веком стабильности, в который Испания вдобавок вернула себе утраченное положение империи – завоевала север Марокко. В конце того же десятилетия стабильность закончилась, начался глобальный экономический кризис, известный как Великая депрессия. Мигель Примо де Ривера утратил единодушную поддержку армии и большинства столичных групп влияния, подал в январе 1930 г. в отставку и уехал в Париж, где через полтора месяца умер.

После шести лет военного режима королю Альфонсо не удалось как ни в чем не бывало вернуться к конституционному правлению, и монархия пала вместе с диктатурой, которую прикрывала своей мантией. В апреле 1931 г. на, казалось бы, второстепенных муниципальных выборах партии, выступавшие за ликвидацию монархии и за республиканский строй, победили с внушительным перевесом. Сторонники республики массово вышли на улицы, гражданская гвардия отказалась их разгонять, и король понял, что потерял власть. Не отрекаясь от престола, он вслед за Примо де Риверой уехал за границу.

Была провозглашена Вторая испанская республика, и анархисты с коммунистами на радостях принялись громить опустылевшие церкви. Принято считать, что вовремя учрежденная конституционная монархия непременно избавила бы царскую Россию от революции. В Испании конституцию приняли еще в XIX в., но и здесь не обошлось без антимонархической революции, пусть и начавшейся с выборов.

Те, кто был старше пятидесяти, помнили, а все остальные слышали, читали и учили в школе, как старший сын генерала Мигеля Примо де Риверы, 30-летний красавец Хосе Антонио, в 1933 г. основал боевую патриотическую партию по образцу таких же партий Италии, Германии, Австрии, Португалии и назвал ее Испанской фалангой. Она была призвана бороться за социальную справедливость против старой элиты, сплотившейся вокруг трона и парламента, и одновременно сражаться против коммунистов, которые шли к справедливости своим путем.

Коммунисты атаковали элиту слева, а фалангисты справа, и те и другие – от имени простого народа. Первые звали к классовой борьбе, вторые – к национальному возрождению. Первых объединял классовый интернационализм, вторых – внеклассовый национализм.

Политическая жизнь в молодой республике с каждым годом поляризовалась, сползала к крайностям. На первых выборах победил союз либералов и левых, против которых тут же попытались поднять мятеж военные из числа монархистов. На вторых выборах, в 1934 г., победили правые, которых левые немедленно объявили фашистами и против которых подняли пролетарское шахтерское вооруженное восстание в Астурии; его власти кроваво подавили.

На третьих и последних выборах в феврале 1936 г. в республике с минимальным перевесом в голосах, но с большим преимуществом, если считать по числу округов и парламентских мест, победили левые, объединившиеся в Народный фронт. Правые объединиться не успели. Общество к тому времени было так сильно расколото, что партии, которые пытались представлять всех испанцев, не получили почти ничего: все политическое пространство оказалось практически без остатка поделено между непримиримыми лагерями.

Радикальные левые силы восприняли победу Народного фронта как начало рабоче-крестьянской революции. Они увешали города своей символикой, портретами Ленина, Сталина, Троцкого и Бакунина, разгромили десятки церквей и монастырей. Отряды профсоюзных и партийных активистов захватывали предприятия, здания, земли и транспорт, баски и каталонцы провозгласили курс на выход из-под власти Мадрида. Сразу после победы правительство Народного фронта арестовало лидера фаланги Хосе Антонио Примо де Риверу по обвинению в незаконном хранении оружия, хотя от него тогда ломились дома политических активистов всех направлений.

Формально страна оставалась парламентской буржуазной демократией, и правительство пыталось бороться с революционным радикализмом своих сторонников, но утратило монополию на насилие. Это было неизбежно, ведь пока правительство боролось с радикализмом своих сторонников, отдельные члены кабинета поощряли радикальную политическую самостоятельность и пытались поставить ее себе на службу. Тем же занялись их оппоненты справа.

Улицы превратились в арену столкновений правых и левых боевиков, которые мстили друг другу за потерянных товарищей. В этих столкновениях участвовали и представители силовых структур, в то время как консервативная часть армии обсуждала возможность покончить с хаосом и правительством «красных» силой. Летом того же года незаконное насилие достигло самого верха политической жизни.

В середине июля без санкции сверху представители одной из служб безопасности Народного фронта, мстя за убитого сослуживца, ночью увезли из собственного дома и прямо в машине застрелили лидера консервативной парламентской оппозиции Хосе Кальво-Сотело, бывшего успешного министра финансов и главу партии католиков-монархистов. Через пять дней несколько генералов в разных частях страны подняли армейское восстание, которое, впрочем, случилось бы и без убийства оппозиционного лидера, ведь к путчу готовились раньше. Началась гражданская война, из которой противники республики после трех лет жестоких боев и репрессий вышли победителями.

За эти три года после гибели двух других лидеров путча на первый план вышел самый молодой и популярный, как сказали бы сегодня, медийный – Франсиско Франко. В предыдущем десятилетии он прославился героизмом и умелым командованием во время покорения Марокко, а в 1934 г. успешно руководил подавлением шахтерской революции в Астурии. Кроме этого, Франко был автором популярных газетных статей и марокканского военного дневника, изданного отдельной книгой. Он стал главнокомандующим сил, восставших против республики, и главой созданного на отвоеванной у республики территории авторитарного консервативного государства, которое напоминало фашистское и постепенно распространило свою власть на всю страну.

Войну против республики восставшие назвали национальной революцией и крестовым походом. Второе название намекало на историческую преемственность с конкистадорами, в позднем Средневековье отвоевавшими Испанию у мавров – арабов и перешедших в ислам испанцев. Этой самоидентификации не мешал тот факт, что поначалу самой боеспособной и жестокой силой под командованием Франко была Африканская армия, состоявшая из марокканцев-мусульман на испанской службе. Тогда же Франко одним из первых предложил этому парадоксу самоуверенное объяснение: представителей разных религий, независимо от крови и языка, сближает совместное противостояние врагам веры и традиционных ценностей. Ими Франко считал не только коммунистов и прочих левых, но и «масонов» – термин, который для него обозначал либералов в широком смысле слова: продажных политиков, интеллектуалов и бизнесменов, обслуживающих интересы мирового капитала вместо национальных.

Фалангисты сразу поддержали армейское восстание против республики, и в ноябре республиканские власти, не тратя лишнего времени на следствие и состязательный процесс, расстреляли Хосе Антонио Примо де Риверу, арестованного еще до путча в качестве заложника. Франко считал разделение народа на партии, которого требовала либеральная «масонская» демократия, одной из причин упадка некогда великой державы. Поэтому он создал на основе оставшейся без лидера фаланги единственную партию своей Испании. Франко возглавил ее лично, а расстрелянного республиканцами Примо де Риверу, с которым не ладил при жизни, превратил в великомученика спасенной от коммунистов и либералов родины. В течение 40 лет именем Хосе Антонио клялись школьники и седовласые генералы. Рядом с его гробом в гигантской базилике-мавзолее в Долине павших под Мадридом за год до нынешнего заседания кортесов похоронили самого Франко. Год спустя после смерти Франко на трибуну поднялся племянник основателя правящей партии, носитель имени, которое в стране официально считалось священным.

Кортесы отменяют себя

Перед Мигелем Примо де Риверой сидели еще 497 прокураторов. Так называли депутатов законодательного корпуса, который ни оппозиция, ни мировое сообщество не признавали настоящим парламентом. Большинство его членов попросту не были избраны. В кортесах заседали по должности министры, судьи высоких инстанций, ректоры университетов, епископы и генералы армии. По квоте там занимали места представители профессиональных сообществ – врачи, юристы, архитекторы, фармацевты. Свою часть мест имели делегированные местными советами представители регионов. Среди прокураторов больше всего – целых 150 человек – было посланцев официальных «вертикальных» профсоюзов, в которых вместе состояли работники и работодатели страны.

Мысль о том, что корпоративное государство придет на смену многопартийной парламентской демократии, спасет от коммунизма, вместо классовой борьбы принесет национальное единство и классовый мир, была популярна в предвоенной Европе. Она лежала в основе итальянского фашизма, германского нацизма и еще нескольких правых диктатур поменьше – от Латвии и Польши до Румынии и Греции. В Испании, Португалии и некоторых странах Латинской Америки эта идея пережила Вторую мировую войну.

Только в начале четвертого десятилетия своего правления Франко позволил части граждан избрать по выделенной им квоте прокураторов напрямую. Эти примерно 100 избранных депутатов назывались «представители семей». Голосовали за них лишь взрослые мужчины и женщины, состоявшие в браке или жившие на свои доходы и прошедшие имущественный ценз. В тогдашней Испании, официально гордившейся здоровым консерватизмом и приверженностью традиционным ценностям, достойными избирательного права считали исключительно их. Все законодатели клялись в верности принципам Национального движения, это должно было стереть разницу между его членами и беспартийными, скрепить союз правящей партии и народа.

Франко назвал своих законодателей старинным словом «прокураторы», в отличие от слова «депутаты», отсылавшим к эпохе расцвета испанской империи, а не конституционной монархии, которую он считал временем упадка. Конституции в стране не было, вместо нее действовали семь «основных», или «фундаментальных», законов. И вот сейчас, через год после смерти национального лидера, прокураторы принимали восьмой. Перед голосованием его проект прошел через Национальный совет – что-то вроде ЦК правящей партии, – который проверял новые законы на соответствие идеологии и законодательству режима.

Перед Примо де Риверой сидели члены и официальные попутчики авторитарной, ультраконсервативной, монополюс правящей партии, которую когда-то основал его дядя. Все они принесли клятву верности идеям, принципам и ценностям режима. Участники исторического заседания кортесов меньше всего походили на собрание демократических мечтателей. Здесь были многочисленные поборники сохранения диктатуры в неизменном виде или в форме авторитарной монархии. Были и сторонники осторожной, косметической трансформации, призванной укрепить положение собравшихся. Само имя и происхождение докладчика должны были подчеркнуть неразрывную связь законопроекта с историей режима: если сам Примо де Ривера за новый закон, с чего бы остальным быть против?

Закон, который представил носитель священного имени, назывался «О политической реформе», и даже первая его статья вопиющим образом контрастировала как с составом собрания, так и с именем докладчика. С нею, пожалуй, гармонировали только слоники на его галстук. Она звучала так: «Демократия в испанском государстве основывается на верховенстве закона и суверенной воле народа. Основные права личности нерушимы, ими обязаны руководствоваться все государственные органы».

Дальше шли статьи о том, что право разрабатывать и принимать законы будет принадлежать кортесам, а кортесы будут состоять из двух палат: конгресса из 350 депутатов и сената из 150 сенаторов; что депутаты конгресса и сенаторы будут избраны на четырехлетний срок прямым всеобщим равным и тайным голосованием всех совершеннолетних граждан, мужчин и женщин, и что на нынешнее правительство возлагается задача не позже чем через год организовать всеобщие прямые выборы и по их итогам сформировать новый кабинет министров.

Всего в кортесах числится 531 депутат, на заседании присутствуют 497. Для принятия закона нужно две трети от присутствующих – 330. Председательствующий опрашивает прокуроров поименно, 425 громко отвечают «да», 59 – «нет», 13 воздерживаются.

Большинство голосует за то, чтобы в ближайшее время прекратить действие своих нынешних мандатов, а вместе с ним – существование авторитарного политического режима, который вырос из победы противников демократии в гражданской войне и определял все стороны жизни страны в течение почти 40 лет. Прокураторы, обязанные своим положением диктатуре, одобряют крамолу, за которую сами еще недавно отправляли людей в тюрьму, – прямые выборы депутатов парламента всеми гражданами страны и создание правительства, ответственного перед избранным парламентом.

О том, насколько выборы будут свободными, большинство законодателей пока имеют не вполне ясное представление. Кого и на каких условиях к ним допустят, а кого нет, зависит от действующего правительства, а оно состоит из таких же функционеров диктатуры, как они сами, вряд ли способных нанести себе непоправимый ущерб. Правительство несколько раз давало понять, что настроено на серьезные перемены, однако не все прокураторы в полной мере осознают, что в этот момент обрывают сорокалетнюю историю государства, построенного их вождем Франсиско Франко, и навряд ли кто-то из них предполагает, что их самих позже назовут кортесами, совершившими харакири.

Договорная демократизация

В ноябре 1976 г. кортесы не были захвачены мятежниками или окружены вооруженными повстанцами. На улицах не собирались ежедневно многотысячные демонстрации протеста, в стране не бушевала всеобщая забастовка. Испания, хоть ее и не пускали в общий рынок, предшественник Евросоюза, не изнывала под гнетом разрушительных санкций, к ее режиму за 40 лет все привыкли, и бывшие ограничения постепенно рассосались. Не было ни войны, ни революции, ни экономического краха. У граждан, в отличие от жителей социалистических утопий на востоке Европы, был доступ не только к джинсам и колбасе, но и к любым продуктам и товарам, а границы страны были открыты.

Карта мира в середине 1970-х оставалась стабильной: военные и политические блоки не рушились, две сверхдержавы – США и СССР – соперничали упорно, но за долгие годы холодной войны научились владеть собой и избегать лобовых столкновений. К тому же именно сейчас намечалось ослабление международной напряженности: американцы и русские впервые вместе слетали в космос и состыковали «Союз» с «Аполлоном» на орбите и на сигаретных пачках, а в Хельсинки прошло немыслимое прежде совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое должно было утвердить общие для всех стран правила поведения и свести к минимуму риск перехода холодной войны в «горячую».

Что заставило законодателей, сделавших карьеру при диктатуре, проголосовать за закон, который противоречил самой сути действующего режима, использовал слово «демократия» не в бранном, а в хвалебном смысле, вводил прямые всеобщие выборы, ставил права личности выше интересов государства? Впрочем, даже противникам перемен было трудно найти возражения. Политическая система не была взломана снаружи, все происходило в действующем правовом поле. Франко лично назначил своего преемника, будущего главу государства Хуана Карлоса, чтобы тот после ухода диктатора взошел на трон и продолжил его дело. Молодой король в полном соответствии с законом выбрал председателя правительства из трех кандидатов, предложенных Советом королевства, а премьер в рамках своих полномочий предложил новый закон.

Проект вынесли на дебаты и приняли в кортесах, сформированных еще при жизни Франко. Главным автором законопроекта выступил председатель кортесов Торкуато Фернандес-Миранда, почтенный соратник вождя. Он воевал против республики, в пятидесятые преподавал Хуану Карлосу политические науки, а с 1969 по 1974 г. служил министром – генеральным секретарем правящего Национального движения, фактически являясь его главой.

Испанская демократия родилась из диктатуры Франко, как Афина из головы Зевса. Через десять лет в СССР, стране, которую Франко считал противоположностью и главным врагом своей национал-католической Испании, перестройку Михаила Горбачева точно так же поддержат даже те функционеры советского режима, которые позже превратятся в критиков порожденных демократизацией «хаоса и вседозволенности».

Сразу после того, как был принят и подписан закон «О политической реформе», перестала действовать цензура, которая уже до этого утратила прежнюю неумолимость. Закон одобрили на референдуме. Правящее Национальное движение распустило через четыре месяца после ноябрьского голосования в кортесах, началось создание новых и легализация старых, запрещенных прежде, политических партий.

Через полгода прошли выборы в многопартийный парламент, победители которых сформировали правительство и изменили государственную символику. Межпартийная комиссия написала, а граждане на следующем референдуме поддержали новую демократическую конституцию, провели по ней еще одни выборы, а пять лет спустя после исторического голосования – харакири-функционеры, внесшие проект закона о политической реформе, уступили

на выборах власть бывшей несистемной оппозиции – нелегальной в недавнем прошлом Социалистической рабочей партии. К власти в Испании пришли вчерашние подпольщики и противники Франко в гражданской войне, всего несколькими годами ранее преследуемые как политические экстремисты.

Остается ответить на главный вопрос: зачем высокопоставленные представители правящего режима собственноручно начали и довели до логического конца процесс, который привел их к потере монополии на власть? Пожалели ли они об этом? Обрушилась ли страна вместе с режимом, который управлял ею 40 лет?

Переход, *la transición*, Испании от личной диктатуры генералиссимуса Франко к парламентской демократии (название *la transición* так и закрепилось за этим временем) выглядит так необычно, что хочется придумать ему свое, особенное имя в надежде, что оно пригодится кому-нибудь еще. Можно назвать его, например, договорной демократизацией. Сами испанцы иногда говорят о *ruptura pactada* – смене режима с заключением сделки. Это означает, что демократия победила не в результате того, что оппозиция отобрала власть, устроив революцию, или подняла ее с земли, когда режим осыпался под тяжестью войны, экономического кризиса или внешнеполитического давления. Оппозиция пришла к власти в рамках процесса, начатого сверху, к которому присоединилась, выдвинув свои условия. По ходу этого процесса менялись и оппозиция, и власть.

Слово «договорная» в случае Испании не означает, что оппозиция вытребовала власть на переговорах о капитуляции режима, как произошло на рубеже 1980–1990-х в некоторых странах советского блока. Испанская договорная демократизация сначала подразумевала не столько смену всех правящих лиц, сколько изменение способа их правления. Можно сказать, что первым демократическим правительством Испании было нефранкистское правительство франкистов, хотя правильнее было бы назвать его нефранкистским правительством с участием бывших франкистов. Результатом договора была смена формы режима, а не отстранение от власти всех его деятелей. Оппозиция согласилась на переговоры, итогом которых должна была стать не заведомая передача власти ей, а новые правила игры, по которым оппозицию допускали к решению вопроса о власти наравне с представителями действующего режима.

Испания к моменту смерти Франко была страной, где большинство жителей не устраивала не столько вся правящая элита, сколько способ ее формирования и чрезмерная закрытость власти, ее устаревшая легитимация, построенная на победе в давней войне, архаичная риторика и атрибутика, которую власть никак не решалась отбросить. Общество устало от отживших лозунгов и разделения граждан на патриотов и врагов и искало способы наладить надежные каналы взаимодействия с властью, избавиться от дефицита политических прав и гражданских свобод, получить возможность наказывать или поощрять правительство. Наконец, бизнесмены, деятели культуры, обычные люди устали быть гражданами страны-изгоя, последней диктатуры, соседствующей с европейскими демократиями. Они не были изолированы, с ними общались, заключали контракты, их приглашали на фестивали, но тень диктатуры, ее репрессий, жертв прошедшей войны ложилась на их деятельность и на всю их жизнь.

Тем не менее условием для институциональных перемен стали перемены персональные. Чтобы осуществить политическую реформу, пришлось дожидаться смерти Франсиско Франко. Однако все предпосылки перемен зародились еще при его правлении.

Чтобы понять, как самая долгая диктатура Западной Европы пришла к тому, чтобы демонтировать себя руками собственных функционеров, надо вспомнить ее начало и проделанный ею путь. А заодно разобраться, как случилось, что граждане и элиты, которые так долго принимали власть авторитарного вождя, приветствовали этот демонтаж и почему они столько лет терпели его режим.

Диктатура на время или навсегда?

Режим Франсиско Франко возник на руинах сразу трех предшествующих: многовековой испанской монархии, короткой, но энергичной диктатуры генерала Примо де Риверы и недолговечной испанской республики. И, как любая диктатура, он возник из согласия общества на авторитарный эксперимент. В Испании этого согласия пришлось добиваться силой.

Военный переворот, лидером которого со временем стал генерал Франко, считается успешным, потому что Франко победил в гражданской войне. Но на самом деле таковым он не был. Успешным был бескровный переворот Мигеля Примо де Риверы, который продемонстрировал, что обладает военной силой, при молчаливом согласии граждан и политиков распустил парламент и с санкции законного короля стал премьер-министром с чрезвычайными полномочиями.

Переворот Франко протекал совсем иначе. Он был задуман как быстрая и победоносная военная операция, но в итоге превратился в медленное и разрушительное завоевание страны. Участники военного мятежа действительно с ходу заняли несколько важных провинций, но в первые же дни потерпели поражение в крупнейших городах – Мадриде, Барселоне и Валенсии. Республиканское правительство сохранило контроль над большей частью страны и над столицей, основная часть политического класса не перешла на сторону восставших офицеров, республикански настроенные граждане потребовали оружия для защиты республики и, получив его, сражались. Даже армия не поддержала мятеж в едином порыве, множество офицеров и солдат воевали на стороне республики.

Мятеж генералов, который в итоге возглавил Франко, растянулся на три года, превратился в гражданскую войну, в которой погибло 5 % населения и еще больше бежало за границу. Франко не получил той поддержки граждан, на которую рассчитывал, и ему пришлось завоевывать страну, которая, как он думал, встретит его цветами, словно вражескую территорию, привлечь для этого солдат-мусульман из колоний и иностранные войска.

Тем не менее поддержка у мятежников была. Именно из этой поддержки вырос фундамент диктатуры Франко. Испания при правительстве Народного фронта жила в нескольких измерениях одновременно. Пока либералы строили парламентскую республику, коммунисты пытались превратить буржуазную революцию в пролетарскую, анархисты – навязать свою утопию с коллективным контролем трудящихся над производством, одинаковой зарплатой для всех и армией без званий, сепаратисты и автономисты стремились превратить Испанию в федерацию или в несколько независимых государств – как пойдет. Антиклерикалы громили церкви, крестьяне захватывали земли, рабочие – фабрики, политические противники выясняли отношения на улицах при помощи оружия, просоветские коммунисты боролись с «неправильными» коммунистами-троцкистами, но дружно вместе с ними сводили счеты с буржуазией, и все при поддержке СССР и левых партий Европы противостояли итальянскому и немецкому фашизму.

Восставшие генералы объявили, что положат конец хаосу и безвластию, но для начала ожидаемо усугубили ситуацию. «...Испанский рабочий класс оказывал сопротивление Франко не во имя "демократии" и статус-кво, как, возможно, было бы в Англии, – пишет участник событий, впоследствии автор величайшего антитоталитарного романа «1984» Джордж Оруэлл, – нет, это сопротивление сопровождалось – можно сказать даже, было – революционным бунтом». Примерно каждый пятый погибший во время войны стал жертвой не боевых действий, а политических расправ с обеих сторон.

Для сторонников Франко гражданская война тоже состояла из нескольких процессов. Это была война монархистов за то, чтобы вернуть историческую монархию, фалангистов – чтобы построить свою утопию, фашистское государство всеобщего равенства, собственников

земель, недвижимости и предприятий – за собственность, церкви – за то, чтобы испанцы остались верующими католиками, и просто за выживание клира, спасение храмов и монастырей (во время республиканских погромов и репрессий были убиты 13 епископов и 6000 священников). Обыватель из среднего класса боролся за то, чтобы от него отстали с утопиями и он мог жить как раньше: пить кофе, читать газету, гулять по набережной, и, если бы республика обеспечила ему эту возможность, он был бы за нее (во всяком случае, не против).

Республика пыталась приструнить сторонников различных утопий в своих рядах, но справилась с задачей лишь частично, и было уже поздно. Воевавший за республиканцев Оруэлл с горечью замечал, что защитники республики поставили себя выше ее законов. Мятежники-националисты еще меньше связывали себя с законами государства, с которым собирались покончить.

Муссолини и даже представители Гитлера просили Франко разрушать, убивать и казнить поменьше, ведь ему же потом здесь править, но целью Франко было не только отвоевать страну, но и максимально очистить ее от тех, кто не принял его правления. У затяжной кровавой войны тут были свои преимущества: она давала время приучить граждан к той степени жестокости, к которой они не привыкли в мирное время, превратить тысячи ежедневных смертей на фронте и в тылу в рутину. Долгая война предоставляла возможность уничтожить или изгнать нелояльных граждан, которые остались бы в стране в случае успеха быстрой и относительно бескровной операции по захвату власти.

Иными словами, если бы военные захватили власть быстро, они вынуждены были бы делить ее с политиками, а те стали бы слушать недовольных граждан, но долгая война превратила самих военных в политиков, перешедших на их сторону политиков сделала военными, а недовольных, готовых протестовать, попросту не осталось.

В довершение всего, гражданская война в Испании была частью глобальных процессов – как сказали бы позже, гибридной войной великих держав. Муссолини, Гитлер и консервативный диктатор соседней Португалии Салазар поддержали Франко. Они послали ему на помощь войска, которые сражались официально в своей форме или изображали добровольцев в испанской. Они отправили с этими войсками свое новое оружие. Для Германии, униженной проигрывшем в Первой мировой войне и Версальским миром, испанская война была возможностью показать главным соперникам, либеральным демократиям Запада, что те вновь имеют дело с великой державой. Италии, Германии и Португалии не терпелось продемонстрировать, что авторитарные националистические государства эффективнее, привлекательнее, крепче духом и сильнее волей, чем коммунисты и буржуазные демократии, и не уступают им в промышленности и технологиях.

СССР и левые партии всего мира пытались использовать гражданскую войну в Испании, чтобы подтолкнуть западные демократии к антифашистскому альянсу поверх идеологических разногласий. СССР посылал в качестве помощи республике новейшую военную технику, советников и специалистов, левые партии планеты – бойцов для добровольческих интербригад. Москве тоже было важно доказать хозяевам мира – Британии, Франции, США – бывшим союзникам России по Первой мировой войне, – что они вновь имеют дело с великой державой и лучше объединиться с ней против общего врага, чем отталкивать ее в объятия этого врага. Буржуазным демократиям было непросто решиться на такой альянс в 1936–1939 гг., когда на советских граждан обрушился массовый террор, а среди специалистов, которых СССР отправлял в Испанию, были инструкторы по репрессиям из НКВД.

Сами буржуазные демократические империи тестировали возможность сохранить без новой войны или союза с коммунистами свое доминирование в мире, в котором Германия восстанавливала силы и с каждым днем наращивала амбиции в союзе с другими правыми диктатурами. Им хотелось понять, где проходят красные линии нового баланса сил, в чем нужна твердость, а где можно уступить.

Среди того, чем решили пожертвовать, оказалась Испанская республика. Англия и Франция сначала придерживались дружественного республике нейтралитета, но по ходу событий признали Франко и не пошли на союз против него с коммунистами. Все помнят, как западные державы, подписав Мюнхенское соглашение, уступили Германии Чехословакию, но мало кто вспоминает, что тогда же, даже чуть раньше, они уступили Испанскую республику. Неудача с созданием антифашистской коалиции с западными странами в то время, когда армии фашистских государств участвовали в боевых действиях против законного правительства одной из европейских стран, еще до соглашения в Мюнхене повлияла на внешнюю политику СССР.

Параллельно с боями на фронте и репрессиями в тылу шла информационная война, в которой принимали участие журналисты и пропагандисты самых разных стран и направлений, а стороны обвиняли друг друга в военных преступлениях. После бомбардировки баскского города Герники немцами Франко и его пропагандистская машина пыталась убедить мир, что республиканцы взорвали город сами, и еще долго в ответ на очевидные факты и наперекор великому полотну Пикассо рассказывали о бочках из-под динамита и прочих «доказательствах» республиканской провокации.

Для тех, кто поддержал Франко, гражданская война складывалась из нескольких процессов, таким же многослойным получился результат. Установление диктатуры Франко было не только победой сторонников обновления власти и общества через построение эгалитарной фашистской утопии, но и реваншем старой монархической и буржуазной элиты, чьи позиции подорвала республиканская революция 1930-х.

Каждая группа по отдельности была недостаточно сильна, чтобы сломить республику, вместе они составили прочный фундамент диктатуры. Однако в этом фундаменте, в самом лагере победителей, сохранялась вечная трещина – разногласия между теми, кто рвался обновить испанское общество, основываясь на модных тоталитарных теориях национальной и классовой солидарности, и теми, кому было достаточно вернуть, пусть с небольшими модификациями, монархический статус-кво – Испанию, которую они потеряли.

Победители гражданской войны и сами не могли дать точного ответа на вопрос, является ли личная диктатура военного вождя Франко новым политическим строем Испании, ее будущим, или это временное, переходное устройство государства до возвращения назад, в прошлое, к монархии, возможно конституционной. Фигура Франко объединила сторонников национал-революционного и консервативно-монархического проектов, но не примирила их полностью. Аристократы, землевладельцы, промышленники, церковь, консервативные и даже либеральные интеллектуалы поддержали Франко как временного спасителя от анархистов и коммунистов, но не симпатизировали крикливому плебейскому национализму фалангистов.

Кроме того, двусмысленность мандата Франко была обусловлена его военным происхождением. В разных странах военные время от времени совершают или пытаются совершать перевороты, корректирующие курс государства. Они нередко делали это и в Испании. Обычно военные объявляют, что их задача временная – навести порядок и уйти. После этого власть предполагается передать гражданскому правительству или монарху.

Откуда берется представление военных и прочих силовиков о своей особой миссии в развивающихся странах, понятно. Первым делом правители отстающих стран модернизируют армию, чтобы не проиграть на поле боя и не лишиться власти, поэтому офицеры оказываются там передовым сословием; общество доверяет армии больше, чем другим государственным институтам, а элита дает детям военное образование. В догоняющих развитие странах обществ нет четкой границы между армией и политикой, военным командованием и гражданской бюрократией. Испания пережила период бурного экономического и политического развития на рубеже XIX и XX вв. и миновала этот этап. Ее элита давно не была исключительно военной, но военные продолжали считать себя ее элитой и действовали соответственно.

Хотя сам Франко еще во время гражданской войны сделал все возможное для того, чтобы остаться у власти надолго, многие сторонники воспринимали его мандат как временный: спасти страну от хаоса и уйти. Но страх возобновления смуты, боязнь реванша побежденных и неясность ответа на главный вопрос – кому передать власть после того, как военные наведут порядок: живущей в изгнании королевской семье, как хотели монархисты, или националистической тоталитарной партии, чего желали фалангисты, – привели к тому, что Франко не ушел, когда с республикой было покончено.

Силы, которые обрели равновесие с приходом Франсиско Франко, опасались, что оно будет нарушено не в их пользу при передаче власти другому лицу, а Франко искусно манипулировал страхами различных групп своих сторонников. В итоге Франко сам стал вождем фашистского типа и одновременно чем-то вроде регента при пустующем троне и остался у власти до конца жизни. Длительный авторитарный режим возникает, когда элиты расколоты вопросом о том, кому и как передать власть, опасаются непредсказуемости событий в процессе передачи и в конце концов предпочитают статус-кво. Режим, возникший как временный результат игры исторических сил, оказался ее долгосрочным итогом.

Правитель-воин и правитель-колдун

В 1976 г., когда испанский авторитарный режим отменил сам себя, Испания оставалась последней диктатурой в Западной Европе. Но за 40 лет до того она не была одинока. Весь XIX в. народы Европы стремились к представительной парламентской демократии, и многие ее добились. Однако после почти повсеместного торжества идеи парламентаризма «конца истории» не произошло. В начале XX в. Европу накрыла мировая война, а за ней экономические проблемы Великой депрессии. Люди начали искать новые формы государственного устройства, альтернативные скомпрометировавшей себя рыночной демократии, а политики – предлагать их.

К концу 1930-х гг., когда Франко пришел к власти, на континенте остались считанные демократические государства, но и в них набирали силу сторонники авторитаризма. Строя свое государство, Франко брал пример не только с Италии, Германии или далекой Венгрии, но и с соседней Португалии, где за несколько лет до него установил свой консервативный авторитарный режим Антониу Салазар. Так же, как Франко, он оставался у власти почти 40 лет, а его режим продержался и того дольше – тоже до середины семидесятых. Так что жили они вместе долго, не всегда счастливо, но умерли почти в один день.

Португалию, в отличие от Испании, где правил военный диктатор Франко, возглавлял гражданский диктатор, профессор-экономист Антониу ди Оливейра Салазар, чье ближайшее окружение вышло из аудиторий, а не казарм. Для спасения экономики он в конце 1920-х гг. потребовал чрезвычайных полномочий, и военные, которые после 15 лет политического хаоса захватили власть в молодой португальской республике, после некоторых колебаний их предоставили – и как раз вовремя: через год началась Великая депрессия.

Салазар действительно помог поднять национальную экономику. Он успешно сбалансировал бюджет и торговый баланс, справился с инфляцией и сократил огромный внешний долг – с 44 % ВВП на момент, когда он в 1928 г. стал министром финансов, до 15 % к 1935 г. и до 5 % к 1940 г. В награду за это в 1932 г. Салазар получил кресло премьер-министра, опять же с чрезвычайными полномочиями.

Салазар, как и Франко, пошел по модному в то время пути строительства корпоративного государства и органической суверенной демократии, которую противопоставлял и парламентской буржуазной демократии, и коммунизму. Свой режим он назвал без затей – «Новое государство», и граждане под полным контролем властей дружно приняли на референдуме его конституцию. В отличие от Франко, Салазар никого не свергал и не завоевывал, официально его государство продолжало называться Португальской республикой, унаследовав республиканские символику и институты, в которые Салазар влил свое, новое содержание.

В «Новом государстве» существовала единственная разрешенная, она же правящая партия «Национальный союз». По замыслу она должна была объединить всех патриотически настроенных португальцев, но в действительности была партией номенклатуры. У Салазара существовала и своя ручная фаланга – Португальский легион, члены которого носили не синие, как испанские фалангисты, а зеленые рубашки. Как и в Испании, революционным эгалитаристским течениям в «Национальном союзе» противостояли представители старой элиты, но местных монархистов Салазар во власть не взял. Легионеры в зеленых рубашках помогали политической спецслужбе PIDE (Международной полиции защиты государства) бороться с коммунистами и другими врагами родины и традиционных португальских ценностей.

Традиционные ценности формулировались без затей: Бог, отечество, семья. Кроме них, португальцам предлагалось верить в историческое избранничество своей нации, чья глобальная миссия состоит в строительстве особой лузитанской цивилизации на разных берегах океанов. Согласно этой доктрине, португальцы, в отличие от других европейцев, не банальные

колонизаторы, а уже полтысячелетия первооткрыватели и творцы новых миров. В этих мирах переселенцы и местные равны и свободно смешиваются, создавая многообразие лузитанского мира. Поэтому Португалия – не очередная империя с колониями, а отдельная самобытная цивилизация, единый межконтинентальный народ. Впрочем, эта идея существовала до Салазара и пережила его режим.

Салазар поддержал мятеж испанских генералов против республики и отправил на испанскую войну добровольцев. Как и диктатуру Франко, государство Салазара многие называли фашистским, но при его рождении Салазару пришлось противостоять настоящим фашистам, которым профессор-экономист у власти казался слишком элитарным и буржуазным. Но и Франко, чтобы подчинить фалангу, пришлось избавиться от самых непокорных и самостоятельных ее лидеров.

Франко любил грандиозные митинги и парады, Салазар, насколько возможно, избегал общения с толпой. Улицам и площадям он предпочитал актовый зал, а лучше кабинет. От южного народа, которым он управлял, Салазар отличался почти скандинавской замкнутостью и холодной таинственностью. Он буквально правил из башни. Впрочем, Франко тоже не был карикатурным темпераментным испанцем, он был родом с испанского севера, из атлантической Галисии, которую в остальной Испании считают прохладной и туманной, и многим казался несколько малахольным, особенно для всемогущего правителя в погонах.

И все же, несмотря на округлость фигуры, небольшой рост и тихий голос, Франко был военным вождем, рыцарем и конкистадором. Он видел себя крестоносцем, который отвоевал Испанию у новых мавров – безбожных коммунистов. Салазар унаследовал другой древний, архетипический образ власти – мудрого сурового пастыря и даже колдуна и алхимика, который в библиотечной тиши придумывает рецепты народного счастья. Пропорциональностью и благородством черт он опровергал расхожие физиогномические теории о том, что во внешности диктатора обязательно должно быть что-то злое, жестокое или уродливое. Его строгий, почти епископский облик, длинное малоподвижное лицо с всегда слишком аккуратно зачесанными назад волосами, скупая жестикуляция, тонкий голос проповедника прекрасно соответствовали его роли ученого диктатора-монаха.

Салазар вел затворническую жизнь и, будучи почти невидимкой, управлял огромной империей из скромной резиденции в тени парламентского дворца Белен и со своей приморской дачи в Эшториле на берегу океана. Он мало ездил по стране, ни разу не побывал в ее обширных заморских владениях и выбрался за границу только однажды – в Испанию на встречу с Франко.

В то время как Франко охотно демонстрировал свою семью, за которой с почтительной жадностью следили испанские таблоиды, ревностный католик Салазар всю жизнь оставался холост и бездетен, а его личная жизнь для всех была покрыта тайной. Бывший семинарист и действительный профессор, Салазар, похоже, представлял себе государственную машину как некий правящий монашеский орден и велел чиновникам управлять людьми на манер духовных лиц, окормляющих паству. Это был совершенно иной, чем у Франко, но, как оказалось, не менее эффективный способ очаровать и подчинить страну.

Великое одиночество

Тяжелое испытание на прочность для любого режима – соперничество ведущих мировых держав, глобальных полюсов, разрывающих мир на части. Оно тяжелее вдвойне, если конфронтация принимает форму мировой войны. Неверный шаг может стать роковым, зато будущий победитель щедро вознаградит тех, кто вовремя выберет его сторону. Ставки высоки, и государства запрашивают за свой выбор удвоенную цену. Правитель, который ошибся стороной, может потерять поддержку населения, а вместе с ней – власть. Именно поэтому Франко и Салазар медлили с выбором.

Испанский и португальский режимы гораздо больше походили на фашистские государства Италии и Германии, чем на западные демократии, а от большевистской России их отделяла пропасть частной собственности, клерикализма и антикоммунизма. Тем не менее Испания и Португалия остались нейтральными во Второй мировой войне. Дело не только в осторожности Франко и Салазара, но и в том, что воюющим сторонам не удалось договориться с ними о цене рискованного выбора.

Франко тянуло в сторону Гитлера и Муссолини не только потому, что они помогли ему победить в гражданской войне. Всех троих объединяло возмущение несправедливым мировым порядком, где доминируют «лицемерные англосаксы» и их подпевалы – меркантильные бездуховные французы. Однако немцам казалось, что Испания просит за свое вступление в войну слишком большую цену, а испанцам – что слишком многого, например один из Канарских островов, хочет Германия.

С единственной личной встречи с Франко, которая состоялась осенью 1940 г. на границе Испании и только что покоренной вермахтом Франции, Гитлер уехал ни с чем, ругая «хитрого испанца». Франко мечтал расширить свою империю за счет французских колоний в Африке. Гитлер не хотел ради удовлетворения амбиций Испании окончательно отталкивать от себя французов. В тот момент ему было важно, чтобы они не чувствовали себя изгоями будущего мирового порядка, который наступит после победы Германии. Вдобавок в Берлине сомневались, что Испания, которой не хватало продовольствия, оружия и топлива, сможет защитить себя и свою территориальную добычу в случае вступления в войну.

Океанская Португалия держалась еще дальше от Германии и ближе к Британии. Салазар пришел к власти без помощи Гитлера и Муссолини, а его страна все еще была империей на нескольких континентах. Рассорившись с господствующей на морях Британией, она почти наверняка потеряла бы заморские владения. К тому же Англия была традиционным союзником Португалии, защищавшим ее суверенитет, в том числе и от большого испанского соседа. Даже Франко, бывало, рассуждал о том, что отдельная Португалия на Иберийском полуострове – географическая нелепица.

Накануне мировой войны, в марте 1939 г., Франко и Салазар подписали в Лиссабоне пакт Иберийского нейтралитета и в целом остались ему верны, несмотря на множество искушений. В благодарность за помощь Германии в гражданской войне Франко согласился отправить на Восточный фронт добровольческую «Голубую дивизию». Португалия в 1943 г., после перелома на фронтах, напротив, сблизилась с союзниками и предоставила им в аренду базу на Азорских островах. У Франко не было даже такой возможности встать на сторону будущих победителей, да ему и не предлагали.

Демократические правительства в своей внешней политике исходят из необходимости побеждать на выборах, авторитарные – из того, какой курс поможет им остаться у власти. Не ради самой власти, уверяют они, а ради суверенитета страны и сохранения ее неповторимых ценностей. Но что делать, если наиболее выгодный для удержания власти внешнеполитический курс противоречит этим ценностям, самой природе режима и даже полному суверенитету?

В мировой войне победили либеральные демократии Запада и советская коммунистическая диктатура. И те и другая были страшно далеки от режимов Салазара и Франко. Консервативные диктатуры Иберийского полуострова оказались зажаты между собственной идеологией и внешнеполитической необходимостью. Идеология помогала мобилизовать внутреннюю поддержку, но увеличивала риск внешнего давления – вплоть до угрозы свержения режима извне. Резкая смена внешнеполитического курса могла разрушить консенсус элит в стране и ободрить те силы, которые хотели бы сменить режим изнутри. В послевоенные годы обе диктатуры решали одну и ту же задачу: как сблизиться с победителями во внешнем мире и сохранить власть и господствующую идеологию внутри своих стран. Без своей, особенной идеологии невозможно было объяснить гражданам, почему режимы, сближаясь с демократиями, остаются авторитарными. Салазару этот маневр дался легче, Франко пришлось труднее.

Несмотря на формальный нейтралитет Испании, не только Советский Союз, но и западные державы-победительницы смотрели на Франко как на союзника Гитлера и вождя фашистского режима – с безразличностью и нескрываемой враждебностью. Даже в начале 1950 г., когда уже вовсю шла холодная война, американский президент Трумэн говорил, что не видит разницы между сталинским СССР, гитлеровской Германией и Испанией Франко: все три – полицейские диктатуры. Еще хуже относилось к Франко правительство британских лейбористов Клемент Эттли, которое сменило кабинет Уинстона Черчилля на выборах 1945 г. Лейбористы – левая партия, члены которой еще во время гражданской войны помогали врагам Франко – испанским республиканцам.

Испанию не пригласили участвовать в плане Маршалла, щедром проекте восстановления послевоенной Европы, названном по имени его автора, дальновидного американского государственного секретаря Джорджа Маршалла, который сумел посредством финансовой помощи привязать европейские страны к Америке и друг к другу, сгладив разницу между победителями и побежденными. Помощь по плану Маршалла получили даже бывшие военные противники США – Италия, Германия и сочувствовавшая им во время войны нейтральная и тоже авторитарная Турция, но не Франко.

Зато оказавшийся в оппозиции Уинстон Черчилль защищал Испанию – не из-за того, что режим Франко ему нравился, а потому, говорил он, что попытка его свергнуть может открыть дорогу к власти коммунистам. Именно это соображение – что дестабилизация может толкнуть Испанию в сторону СССР – спасло Франко от военной интервенции вчерашних победителей и от наиболее разрушительных санкций. Тем не менее Испанию не пригласили ни в НАТО, куда салазаровскую Португалию приняли сразу, ни в зарождающийся европейский общий рынок, ни даже в ООН. В одной из своих первых резолюций ООН призвала отозвать послов из Мадрида, и большинство стран – членов организации так и поступили, а Франция закрыла сухопутную границу с Испанией для торговли и помогала республиканским эмигрантам перебраться на родину для ведения партизанской войны против режима.

Испанское руководство и пресса отвечали на это разоблачением двойных стандартов мирового сообщества: Испания помогала державам гитлеровской оси меньше, чем другие нейтральные страны, вроде Швеции и Швейцарии, а пострадала больше. Ясно, что дело не в политическом режиме и не в отношениях с Гитлером, а в том, что Испания стоит на страже католических христианских ценностей, неугодных либеральным и коммунистическим хозяевам мира. Франко публиковал под псевдонимами в испанских газетах обличающие демократию статьи о том, что американское и британское правительства пронизаны агентами Кремля и боятся транснационального масонского капитала, в интересах которого вынуждены действовать. Ни в Вашингтоне, ни в Лондоне никто не сомневался в авторстве этих статей.

Дискриминация со стороны западного мира давала Франко повод не только бесконечно бранить так называемые демократические правительства, куда внедрились агенты коммуни-

стов и «масонов», но и списывать внутренние трудности на происки внешних врагов. Международную изоляцию он успешно использовал для патриотической мобилизации.

Снятие блокады. Мир прогнулся под нас

Государства берут в друзья своих бывших противников, когда на горизонте появляется более мощный враг. В этом случае принципиальность уступает место прагматизму. На рубеже 1940–1950-х гг. произошли три события, благодаря которым Испания стала частью западной системы военной безопасности, а вместе с ней пусть дефектной, пораженной в правах, но частью западного мира.

В конце лета 1949 г. СССР успешно испытал атомную бомбу, осенью того же года коммунисты под руководством Мао Цзэдуна победили в гражданской войне в Китае, а летом 1950 г. корейские коммунисты начали военный поход с просоветского севера на контролировавшийся американцами капиталистический юг Кореи. Американские генералы решили, что ядерная держава СССР перестала бояться третьей мировой войны и готова к наступлению на Европу. Они считали, что разгромленная Германия и обессиленная немецкой оккупацией Франция, к тому же полная коммунистов и им сочувствующих, не остановят Советскую армию. А защищенная Пиренеями Испания может оказаться последним плацдармом Запада на европейском континенте, откуда потом придется начать новую реконкисту – отвоевание Европы у Сталина.

Франко всячески подыгрывал этому ходу мыслей. Он напоминал, что его армия и офицерский корпус сформированы в боях с коммунистами, что страна может поставить под ружье множество идейно мотивированных бойцов, и послал испанский воинский контингент на Корейский фронт воевать против красной опасности плечом к плечу с американцами и их союзниками из демократических стран.

4 ноября 1950 г. Генассамблея ООН большинством голосов поддержала возвращение послов стран – членов ООН в Мадрид: 38 «за», 10 «против», 12 воздержались. Среди воздержавшихся были Великобритания с Францией. Посла США в Испании назначили под новый, 1951 г., посла Великобритании немногим позже.

После войны Франко обнадеживал своих сторонников в стране, объясняя, что западные демократии его не тронут из боязни усилить позиции коммунистов. Теперь он говорил испанцам, что завершение международной изоляции происходит не потому, что страна изменила своим принципам, а из-за того, что изменившемуся миру понадобилась испанская непреклонность и верность идеалам христианской цивилизации. Послами в США и Великобританию он вызывающе отправил неугодных обеим демократиям кандидатов. Президенту Трумэну пришлось принять в Вашингтоне фалангиста Хосе Феликса Лекерику, который был послом Испании при марионеточном французском правительстве в Виши. В 1945 г. Франко уже пытался отправить Лекерику послом в США, но получил отказ, и вот теперь его страна возвращается в мировое сообщество, а Лекерика в конце концов покоряет Вашингтон. Правда, первая аудиенция Лекерики у президента Трумэна длилась унизительно короткие три минуты.

В более враждебный Лондон Франко и вовсе направил носатого Фернандо Кастиэлью, бывшего офицера «Голубой дивизии», кавалера немецкого Железного креста. Лондон не дал такому послу агреман. Тогда Франко заменил Кастиэлью на Мигеля Примо де Риверу, младшего брата основателя фаланги, чуть не расстрелянного республиканцами вместе со старшим. Франко завершил демонстрацию неуступчивости тем, что в новом правительстве, сформированном летом 1951 г., назначил военным министром Агустина Муньос-Грандеса, бывшего командующего «Голубой дивизией». Именно с Муньос-Грандесом американцам теперь предстояло договариваться о военных базах в Испании. Франко сделал все, чтобы показать: это не его режим размяк, установив отношения с Западом, это Запад отвердел до нужной кондиции, чтобы принять в свои ряды нестигаемую Испанию.

В январе 1953 г. Испанию приняли в ЮНЕСКО. Франко заключил конкордат с Ватиканом, главным переговорщиком по которому стал отвергнутый Лондоном Фернандо Кастиэлья.

А с 1954 г. при посредничестве Красного Креста из советских лагерей начали возвращаться военнопленные «Голубой дивизии», а вместе с ними и те беженцы времен гражданской войны, которые не прижились в СССР.

В декабре 1955 г., через два года после того, как в США линия генералов-прагматиков победила принципы политиков-идеалистов и Вашингтон подписал с Мадридом оборонное соглашение, Испания стала полноправным членом ООН. «Изменились не мы, а они», – торжественно резюмировал Франко. Меняющему внешний курс диктатору приходилось неустанно напоминать гражданам и элитам, что следование внешнеполитической конъюнктуре не обещает перемен во внутренней политике.

Зато в НАТО Испанию так и не пустили из-за сопротивления лейбористского правительства Британии и других демократических правительств Западной Европы. Все они ссылались на главу устава альянса, где сказано, что он создается для защиты свободы, демократии и верховенства права, а всего этого в Испании было немногим больше, чем у коммунистических режимов Восточной Европы, которым НАТО был призван противостоять.

Испанская государственная пропаганда уверяла, что достигнутые двусторонние соглашения с Америкой – Мадридский пакт – даже лучше НАТО, так как выводят Испанию из длинного ряда европейских союзников США и делают ее положение особенным. По этим соглашениям Испания в обмен на размещение американских баз получала от США вооружение и \$1 млрд экономической помощи, весьма значительную сумму по тогдашнему курсу.

Американцы, не говоря о французах и англичанах, предпочли бы, чтоб в обмен на прекращение изоляции и экономическую помощь правящий класс Испании заменил Франко на короля. Например, на живущего в эмиграции дон Хуана, графа Барселонского, сына отвергнутого республикой Альфонсо XIII. Слухи о такой замене ходили в Испании все 1940–1950-е гг., но заставить Франко ни с того ни с сего отдать власть дону Хуану не было никакой возможности. Дон Хуан был человеком либеральных взглядов и, вероятно, попытался бы восстановить в стране парламентский строй. К тому же в 1945 г. он открыто призывал внутренние и внешние силы сменить режим Франко.

Благодаря вовремя предоставленной союзникам военной базе на Азорских островах Португалия страдала от международной изоляции меньше, но и ее как недемократическое государство не принимали в ООН до декабря 1955 г., пока логика холодной войны не возобладала над строгим идеологическим подходом. Коммунистический лагерь разросся, и Западу нужно было больше союзных голосов в Генеральной ассамблее, да и считать, что другие члены ООН, вроде СССР и его сателлитов в Восточной Европе, лучше соответствуют критериям свободных стран, чем рыночные диктатуры наподобие Испании и Португалии, было нелепо.

Противоречия в элите

Оппозиция и зарубежные критики авторитарного режима обычно обличают его весь целиком. В действительности авторитарный режим, скрывая противоречия от внешних глаз, соткан из них изнутри. Долгие годы, которые Франко находился у власти, ему приходилось поддерживать баланс между разными «семьями» режима – различными группами поддержки, не давая чрезмерно укрепиться ни одной из них. Усиление одной из опор ослабило бы самого Франко, сделав его зависимым от самой влиятельной группы. Сильнейшими еще со времен гражданской войны были монархисты и фаланга.

Из всех партий и групп, поддерживавших армейский мятеж против республики, Франко изначально сделал ставку на самую воинственную – фалангу, которую отчасти против ее воли объединил с карлистами – боевым движением религиозных традиционалистов, сторонников альтернативной ветви испанских Бурбонов, претендующей на трон с начала XIX в. Он призвал всех своих последователей присоединиться к этой единственной партии, а остальные, даже союзные, запретил.

Тогда же новой партии власти придумали название, отражающее ее сложный состав, революционное прошлое и боевое настоящее: Испанская фаланга традиционалистов и комитетов национал-синдикалистского наступления. Одновременно с ним стали использовать более короткое и респектабельное название: Национальное движение. До самого конца фаланга олицетворяла революционное и мобилизационное направление в рядах режима, в то время как вокруг монархистов группировалась его традиционалистская и более прагматичная фракция.

Монархисты представляли старую, часто наследственную элиту, которая поддержала Франко, выступая против социального радикализма и хаоса республики, но желала после умиротворения страны вернуться к прежним порядкам монархической Испании. Среди монархистов были и поборники умеренных социальных реформ, понимавшие, что простое возвращение к прошлому невозможно, и даже сторонники парламентской монархии. Ближе к Франко стояли те из монархистов, которые считали прежнюю конституционную монархию ослабленной и безвольной и желали видеть восстановленную испанскую монархию сильной и авторитарной, как во времена расцвета империи.

С точки зрения монархистов, Франко был кем-то вроде регента при вакантном троне, который он должен был уступить, когда сложатся благоприятные обстоятельства и будет определен подходящий кандидат. Чем дольше Франко оставался у власти, тем больше в глазах монархистов он выглядел узурпатором, который медлит вернуть власть королю, но монархисты оправдывали свою верность диктатуре тем, что пока не видят среди представителей династии достойных претендентов.

После смерти Альфонсо XIII его сын, официальный наследник престола дон Хуан, не мог, находясь в эмиграции, стать королем, но многие испанские монархисты называли его «величеством», а сам он выбрал себе титул не принца Астурии, который носят наследники испанского престола, а графа Барселонского, которым наделяют только действующих монархов.

В начале гражданской войны дон Хуан пытался присоединиться к войскам восставших националистов, но Франко его не впустил в страну, чтобы не делиться властью. В конце Второй мировой дон Хуан открыто осудил режим Франко и призвал внутренние и внешние силы вернуть Испании легитимное правительство. Наследнику казалось, что вдохновленные победами союзников испанские генералы монархических взглядов при поддержке мирового сообщества сменят власть и призовут его возглавить страну. Дон Хуан переоценил их рвение и возможно-

сти, но многие монархисты в окружении Франко, в том числе на самых высоких постах, сохраняли как бы двойную лояльность: во-первых, Франко, во-вторых, наследнику в изгнании.

Тех, у кого этот порядок лояльности нарушался, иногда подвергали умеренным репрессиям вроде увольнения с должностей, налоговых проверок или высылки в провинцию, например подальше от столицы, на Канарские острова. Тюрьмы и казни по-прежнему были предназначены для нелегальной левой оппозиции. Некоторые монархисты, тяготясь двойной лояльностью и диктатурой, которая орудовала и от их имени, открыто переходили к дону Хуану. Это не лишало их возможности жить в Испании и даже бывать в высших франкистских кругах – Франко нужны были посредники для общения с претендентом на трон, находящимся в изгнании.

Другие, напротив, теснее сближались с Франко, ведь дон Хуан не скрывал своих либеральных идей, общался с республиканскими эмигрантами и обещал в случае возвращения на трон стать «королем всех испанцев». Он не понимал, что для большинства участвовавших в войне монархистов такое уравнивание победивших в войне патриотов и их побежденных врагов было неприемлемым и что они хотели и дальше править на правах победителей, а не по милости монарха.

Сам дон Хуан то отдалялся от Франко до полного разрыва, то налаживал отношения. Они не доверяли, но были нужны друг другу. Франко общение с наследником помогало выглядеть более легитимным правителем в глазах западных демократий, а дон Хуан не оставлял надежды, что однажды, оказавшись в правовом или дипломатическом тупике, диктатор уступит ему пост главы государства.

Фалангисты, напротив, мечтали не о реставрации, а о национальной и социальной революции после победы над анархией и коммунизмом. В фаланге задавали тон активисты, которые сделали карьеру в противоборстве как с республикой, так и со старой элитой, по их мнению, чуть не погубившей страну. Они мечтали о новой Испании, где главная роль будет принадлежать централизованной массовой партии, следящей за тем, чтобы богатые не обижали бедных, а бедные богатых, о стране, в которой классовые противоречия будут разрешаться во имя величия нации. Их отношение к монархии выражал лозунг «Нет дурацким королям!».

Монархистам Франко обещал реставрацию монархии, фалангистам – столь же неопределенно – завершение их корпоративной революции, которая считалась «отложенной». Ближе к монархистам стоял еще один традиционный сторонник Франко – церковь.

Победа демократий и коммунистов в мировой войне подорвала позиции фаланги и ободрила монархистов. Победители требовали распустить фалангу, которая была точной копией тоталитарных партий Германии и Италии. Пойдя им навстречу, Франко улучшил бы свое международное положение, но резко сместил баланс групп, поддерживающих режим, в пользу монархистов. А они, находясь на высоких постах в армии, церкви и бизнесе, променяли бы его на легитимного наследника престола дона Хуана, живущего в эмиграции. Поэтому Франко не сдал фалангу, хоть она до войны и доставила ему много хлопот, стремясь превратиться в настоящую правящую партию. В то время фалангу помогли укротить монархисты в армейских кругах. Теперь наступил черед фалангистов, понимавших, что вне режима Франко у них нет будущего, и помогавших ему сдерживать монархистов.

Впрочем, после войны Франко отменил, хотя и не запретил, официальное фашистское приветствие в виде вскинутой руки, а вместо названия «фаланга» все чаще звучало другое, менее одиозное, имя единственной разрешенной партии – Национальное движение.

При переходе от демократии к диктатуре автократ, как правило, не создает целое из всех частей, а раздувает одну из частей до целого, замещая и вытесняя ею все остальные. Именно так произошло с фалангой. Став из самой воинственной части правого политического спектра единым целым, заменившим все разнообразие партий, фаланга утратила свои боевые качества, которые прежде проявлялись в политической конкуренции и уличной борьбе.

Зрелый авторитаризм пугают слишком ревностные носители его же собственной идеологии, ведь они в любой момент готовы поставить верность идеям выше преданности лидеру. Фаланга героически сражалась за Франко: 60 % «старых рубашек», ее довоенного состава, погибли в гражданскую войну. И все же она осталась партией при власти и не превратилась в настоящую партию власти, хотя и не оставила надежды однажды ею стать.

Чем дальше в прошлом оставались гражданская и мировая войны, тем больше фаланга из напористой организации активистов, сплоченных общей тоталитарной и даже революционной идеей, превращалась в организацию для карьерного роста и в канал распределения привилегий. То же можно сказать о женских, молодежных, профсоюзных организациях движения. Они были инструментами идеологического воспитания граждан и одновременно ступенями карьерной лестницы, а иногда просто окном в широкий мир для своих членов – выходцев из народа.

Несмотря на консерватизм испанского режима, в образовательном, профессиональном или туристическом кружке женской секции фаланги молодая испанская крестьянка расширяла свой кругозор, выходила за рамки традиционной жизни деревенской женщины. До последних дней режима женскую секцию возглавляла Пилар Примо де Ривера, сестра казненного республиканцами основателя фаланги Хосе Антонио. В первые годы режима она вместе с самыми деятельными активистами требовала для фаланги реальной власти, но позже смирилась с ролью высокопоставленной номенклатурной дамы.

Судьба Пилар отражала эволюцию всей фаланги. По мере становления и старения режима шла бюрократизация, «укрощение» фаланги, которая сама старела и уменьшалась в численности. В 1940-е, на пике ее могущества, она насчитывала почти 1 млн членов, а в последние годы режима – в десять раз меньше. На одном полюсе этой зрелой фаланги находились молодые и старые карьеристы, на другом – идеалисты, которые верили, что в нее и в режим можно вдохнуть новую жизнь, если вернуться к первоначальным социально-националистическим идеалам Хосе Антонио.

Легальных левых политиков в послевоенной Испании невозможно было представить, они были врагами и национал-предателями по определению. В амплуа борцов за нужды простых людей как раз и выступала связанная с вертикальными профсоюзами «народная» фаланга. В отличие от СССР, где хозяином всей экономики было государство, в Испании при первой диктатуре Франко процветал широкий слой предпринимателей и землевладельцев, и даже у официальных профсоюзов оставалось пространство для борьбы от имени режима и его единственной партии за права рабочих (на частных предприятиях) и крестьян (на частных землях). Профсоюзный парад трудящихся в антикоммунистической Испании проходил в красный день Первого мая и был похож на советские парады рабочих и физкультурников, но его участниками были работники капиталистических предприятий, а на трибунах сидели победители коммунистов в дорогих костюмах, военных мундирах и рясах.

Фаланга жила в режиме «отложенной революции», которую Франко туманно обещал рано или поздно завершить. Последователи Франко из числа монархической элиты делились друг с другом опасениями, что после этого фаланга в Испании займет место коллективного тоталитарного диктатора, подобно коммунистической партии в Советском Союзе. По мере того как Франко слабел и старел, эти страхи крепили, и противники фаланги прилагали усилия, чтобы она не стала коллективным преемником уходящего вождя. Фаланга же именно к этому и стремилась.

Для одних последователей Франко Испания была недостаточно фалангистской, для других – недостаточно традиционной и монархической. Объединяла обе главные группы режима совместная поддержка войны, в которой было совершено столько преступлений и пролито столько крови, что избавиться без последствий для себя от рожденной в этой войне диктатуры этим группам казалось невозможным, а значит, лучше было сохранять статус-кво.

Оба лагеря сходились на фигуре самого Франко, который с удовольствием преподносил себя тем и другим в качестве краеугольного камня, без которого развалится все государственное здание. Кто-то соглашался с ним искренне, кто-то просто избегал карьерных и личных проблем, которые могло повлечь громко высказанное несогласие. И все же, чтобы лучше выглядеть после войны в глазах западных правительств, Франко вернулся к обещанию восстановить в Испании монархию: «отложенную революцию» он уравнивал «отложенной реставрацией».

Отложенная монархия в обмен на бессрочную власть

Вопрос о преемственности начинает преследовать авторитарные режимы быстрее, чем те успевают окончательно оформиться. Демократическое общество заранее знает, что будет после нынешнего правительства: новые выборы. Авторитарный режим каждый раз отвечает на этот вопрос заново. Демократии живут внутри готовых институтов, каждый авторитарный режим сам формирует свои институты. Иногда он использует в качестве строительного материала остатки прежних режимов (так поступил в Португалии Салазар), иногда строит с нуля, как делал Франко.

Молодая автократия держится на восходящем потоке одержанных побед, чрезвычайных мер и надежд на быстрое решение застаревших проблем новой властью, которая не склонна церемониться со старой элитой и накопившимся грузом обычаев и привычек. Новорожденный авторитарный режим часто воспринимается гражданами как временное явление и не вызывает того отторжения, которое вызвал бы, если бы сразу написал на своих скрижалях слово «вечность».

Однако момент, когда такой режим должен ответить гражданам и элитам на вопрос о его собственном будущем, все равно наступает. Это опасное время для главы режима, который во многих автократиях является заодно и верховным институтом государства. Начав разговор о том, что будет после него, самым фактом этого разговора лидер ослабляет собственную власть: если возможно «после», может быть и «без». Хуже того, объявленный лидером проект будущего может устроить не все группы поддержки, и между ними возникнут трения, а номенклатура начнет усиленно диверсифицировать лояльность, превращаясь в слугу нескольких господ. С другой стороны, не начав неприятного разговора о преемнике, лидер создает пространство неопределенности, в котором обсуждать эту тему начнут другие, и, возможно, ослабляет себя еще больше.

Всего через несколько лет властвования любой авторитарный лидер решает один и тот же вопрос: как начать разговор о будущем, не подорвав собственную власть в настоящем. Приблизившись к этому моменту, многие лидеры начинают метаться, из-за неуверенности впадают в жестокость, от которой граждане прагматичных стареющих автократий успели отвыкнуть, начинают странные войны – не молодости, но старости, цель которых – продемонстрировать силу духа и мускулов не хуже, чем у рвущихся к власти молодых, и законсервировать свое наследие. Чтобы пресечь разговоры о другом будущем, без себя, лидер режима часто ищет возможность легализоваться у власти на неопределенный срок, желательно до конца своих дней.

По мнению восставших против республики генералов, которые осенью 1936 г. избрали Франко главой единого командования, а позже – главой государства, эти функции передавались ему временно, до победы и умиротворения государства. Даже немецкие и итальянские союзники Франко досадовали на то, как неторопливо он ведет войну, методично завоевывая одну часть страны за другой.

Затянувшаяся война превращала Франко из первого среди равных в единственного политика и реального, а не символического главу государства. Чем дольше он воевал, тем больше это была война не только против республики, но и за его личную власть. Начавшаяся сразу вслед за гражданской мировой война еще на шесть лет отложила вопрос о праве Франко на власть. За эти годы государственная машина окончательно превратилась в аппарат его личной власти.

Итоги Второй мировой войны вернули вопрос о легитимности Франко в центр мирового внимания. Республиканцы настаивали на том, что дали первый бой фашизму и теперь имеют право на плоды победы над ним. Их поддерживали такие разные страны, как сталинский СССР, демократическая Франция или Мексика, укрывшая главного врага Сталина – Троцкого.

Специальный подкомитет ООН назвал Испанию потенциальной угрозой миру. США и Британия могли лишь добавить, что смена режима должна произойти изнутри и желательно мирным путем. Франко отвечал, что возглавляет страну по праву миротворца: он вернул мир, разбив коммунистов в гражданской войне, а потом отстоял его, сохранив нейтралитет, когда Испанию тянули на себя оба воюющих лагеря. Официальные СМИ страны объясняли гражданам, что иностранные державы придираются к форме правления, а на самом деле мстят Испании за суверенный внешнеполитический курс.

Многие испанцы приняли эту версию и сплотились вокруг лидера. Избавиться от него у них не было ни желания, ни сил, они не меньше верхушки опасались возобновления гражданского конфликта и в том числе по этой причине принимали санкции и упреки, извне адресованные испанской власти, на свой счет, обижались и переживали за страну. Из-за репрессий и массовой эмиграции собрать их на легальной платформе против режима было некому, а на нелегальный протест был готов далеко не каждый.

Тем не менее Франко видел, что вопрос о его праве на власть поставлен ходом событий и лучше начать отвечать на него самому, чем ждать, пока ответ сформулируют другие. Франко нашел остроумный выход. До него Испания была королевством, потом республикой, теперь промежуточное состояние заканчивается и страна снова становится королевством, но пока без короля. Франко своими руками начинал транзит власти, но оставил его незаконченным. Завершать его в обозримом будущем он не собирался, зато сумел породить у зарубежных правительств и собственных монархистов надежды на мирную трансформацию режима и таким образом ослабить внутреннее и внешнее давление на себя.

В 1947 г., за 30 лет до реальной трансформации режима, под личным руководством Франко был написан и вынесен на референдум закон о передаче поста главы государства (*Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado*). Было проведено первое всеобщее голосование с момента прихода Франко к власти. Закон был одобрен 95 % голосов при явке 88,5 %.

Новый закон одновременно утверждал классический образ действий лидера военного переворота – навести порядок и уйти – и отвергал его. Закон определял Испанию как католическое королевство, в котором действующий «вождь, глава государства и генералиссимус Франсиско Франко Баамонде» обязался передать власть королю или регенту. Однако выбор времени ухода, личности короля или регента и даже династии становился прерогативой самого Франко. Единственным условием значилось, что это должна быть персона королевской крови.

Начав декоративный транзит власти, Франко получил то, чего вряд ли добился бы, напрямую поставив вопрос о пожизненных полномочиях для себя. Ни монархисты, которые участвовали в написании нового закона о преемнике, ни граждане, которые за него голосовали, в большинстве своем не имели в виду, что передача власти произойдет через 30 лет и только после кончины действующего лидера.

Так Франко в обмен на обязательство восстановить монархию получил формально одобренное на референдуме право стать пожизненным диктатором. Первая часть этого двусмысленного решения должна была укрепить поддержку Франко монархистами и старой элитой, вторая – их конкурентами, фалангистами. Вдобавок закон нарушал один из главных принципов традиционной монархии: будущий король должен был получить трон не в силу наследственных прав, а по решению Франко. Права семьи испанских Бурбонов и отдельных ее представителей ставились в зависимость от воли каудильо.

Закон давал надежду приверженцам мирного транзита власти в рядах сторонников режима и помогал предотвратить сближение системной монархической и несистемной республиканской оппозиции, внося раскол между сторонниками эволюции и революции в рядах противников диктатуры. Чтобы напомнить о пугающей альтернативе, агитационную кампанию перед голосованием провели под лозунгом: «Франко – да, коммунизму – нет!».

Переход страны к режиму «отложенной монархии» наводил на мысль, что, тяготясь недостаточной легитимностью и международной изоляцией, Франко начал транзит власти сверху и готовится в обозримом будущем вернуть короля и «нормализовать» Испанию. Благодаря этому давление умеренной оппозиции смягчилось, но родились ожидания, на которые надо было убедительно ответить.

Теперь задачей Франко было показать, что за словами закона последовали конкретные шаги, но одновременно погасить волну неоправданных надежд и осадить тех, кто пытался эту волну оседлать. В первую очередь это был наследник в изгнании дон Хуан де Бурбон, граф Барселонский, вокруг которого все теснее спланивалась монархическая и либеральная оппозиция. Чтобы остудить ожидания и позлить дону Хуана, Франко начал пользоваться королевскими привилегиями: чеканить свой профиль на монетах, входить в церковь под балдахином и раздавать своим соратникам дворянские титулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.